

Д. В. Зайцева
Государственный академический университет
гуманитарных наук,
Москва

ИМПЕРАТОР УМЕР! ДА ЗДРАВСТВУЕТ ИМПЕРИЯ! (НАПОЛЕОН И ЕГО НАСЛЕДИЕ)

В 2023 г. вышел в свет коллективный труд «От Наполеоновской империи к Эпохе империи» под редакцией Томаса Додмена и Орельен Линерё. Недавняя двухсотлетняя годовщина смерти Наполеона послужила для историков поводом обратиться к имперскому наследию Бонапарта и к тем формам господства, которые были заложены в его эпоху и продолжались после 1814–1815 гг. Редакторы утверждают, что такой подход может позволить выйти за традиционные рамки наполеоновской историографии и отойти от исключительно фактологического подхода. Кроме того, наполеоновская империя является ключевым звеном между колониальными империями раннего Нового времени и империями XIX столетия, а потому заслуживает особенного внимания. Сборник состоит из трех частей, первая посвящена непосредственно периоду наполеоновской империи, в частности, сюжетам, касающимся прежде всего политики Франции на Ближнем Востоке, во второй рассматриваются индивидуальные траектории некоторых персоналий или социальных групп в контексте имперских преобразований, а в третьей исследуются французские внешнеполитические начинания в Алжире и Египте в постнаполеоновскую эпоху. Ключевые слова: Наполеон Бонапарт, колониальная политика, эпоха империи

Благодарности: Статья подготовлена в ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект FZNF–2023–0003 Традиции и ценности общества: механизмы формирования и трансформации в контексте глобальной истории).

Цитирование: Зайцева Д. В. Император умер! Да здравствует империя! (Наполеон и его наследие) <https://doi.org/10.32608/0235-4349-2024-1-57-461-470> // Французский ежегодник. 2024. Т. 57. С. 461-470.

Поступила в редакцию: 04.05.2024

Принята к печати: 28.05.2024

Daria V. Zaytseva
State Academic University
for the Humanities,
Moscow

**THE EMPEROR IS DEAD! LONG LIVE THE EMPIRE!
(NAPOLEON AND HIS LEGACY)**

In 2023, the collective work «From the Napoleonic Empire to the Age of Empire», edited by Thomas Dodman and Aurélien Lignereux, was published. The recent bicentennial of Napoleon's death has served as an opportunity for historians to turn to Bonaparte's imperial legacy and the forms of domination that were established during his era and continued after 1814–1815. The editors argue that such an approach can allow us to move beyond the traditional framework of Napoleonic historiography and away from a purely factual approach. Moreover, the Napoleonic Empire is a key link between the colonial empires of the early modern period and the empires of the nineteenth century, and therefore deserves special attention. The collection consists of three parts: the first is devoted directly to the period of the Napoleonic Empire, in particular, to subjects related primarily to France's policy in the Middle East; the second examines the individual trajectories of certain individuals or social groups in the context of imperial transformations; and the third examines French foreign policy initiatives in Algeria and Egypt in the post-Napoleonic era.

Keywords: Napoleon Bonaparte, colonial policy, Age of Empire

Acknowledgements: The study is realized in the State Academic University for the Humanities within the framework of the state task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project FZNF–2023–0003 Traditions and values of society: mechanisms of formation and transformation in the context of global history).

Citation: Zaytseva, D., (2024). Imperator umer! Da zdravstvuet imperiia! (Napoleon i ego nasledie) [The Emperor is Dead! Long Live the Empire! (Napoleon and His Legacy)]. <https://doi.org/10.32608/0235-4349-2024-1-57-461-470>. Annual of French Studies, 2024, vol. 57, p. 461-470.

В 2023 г. вышел в свет коллективный труд «От Наполеоновской империи к эпохе империи»¹ под редакцией Томаса Додме-

---

¹ From the Napoleonic Empire to the Age of Empire: Empire after the Emperor (War, Culture and Society, 1750–1850) Kindle Edition // by Thomas Dodman, Aurélien Lignereux. L., 2023.

на и Орельен Линерё. Недавняя двухсотлетняя годовщина смерти Наполеона послужила для историков поводом обратиться к имперскому наследию Бонапарта и к тем формам господства, которые были заложены в его эпоху и продолжались после 1814–1815 гг. Редакторы утверждают, что такой подход может позволить выйти за традиционные рамки наполеоновской историографии и отойти от исключительно фактологического подхода. Додмен и Линерё подчеркивают, что наполеоновская империя является ключевым звеном между колониальными империями раннего Нового времени и империями XIX столетия, а поэтому заслуживает особенного внимания. Несмотря на то, что ежегодно публикуется изрядное количество работ, посвященных Наполеону, эти исследования зачастую сосредоточены на Революции, которая предшествовала империи, а не на империализме, который за ней последовал. Авторы сборника поставили перед собой задачу заполнить этот пробел.

Первая часть коллективного труда посвящена непосредственно периоду наполеоновской империи, в частности, сюжетам, касающимся прежде всего политики Франции на Ближнем Востоке. Исследователь Бернар Гено изучил взгляды политического деятеля Жозефа Эшассерио, который в эпоху Директории и Консулата написал ряд трудов, где изложил свои взгляды на колониальную политику. Эшассерио утверждал, что колонии полезны для европейцев, поскольку именно колониальные владения сделали возможными просвещение, богатство и могущество Европы. В связи с этим он задумывался о новой колонизации, которая, по его мнению, позволила бы вернуться к безопасности и процветанию, а единственным способом, который позволял этого добиться, была торговля, которая была выгодна для всех сторон. Выступал он и за создание «филантропических поселения» для чернокожих, которые должны были существовать на принципах свободы и гуманности, а не рабства и тирании и располагаться не изолированно, а как можно ближе к метрополии, чтобы благодаря налаженным коммуникациям осуществлять торговлю. Однако после введения Конституции VIII года, которая подразумевала восстановление рабства, отмененного в 1794 г., из трудов Эшассерио исчез вопрос работорговли, которую ранее он активно осуждал. Но несмотря на такую гибкость взглядов, сочинения Эшассерио, как подчеркивает исследователь, значимы, поскольку в них он опирался на три

столпа: Работу, Торговлю и Свободу, отстаивая тем самым ценности цивилизации и утверждая наследие Просвещения, став символом прогрессивного движения.

В сфере интересов историка Гийомет Крузе оказался вопрос борьбы Великобритании с пиратами в Персидском заливе и французская угроза Индии. В 1809 г. Британская Ост-Индская компания атаковала порт Рас-эль-Хайма, обладание которым позволяло контролировать Персидский залив. Вторжение происходило под предлогом борьбы с пиратами, которые в течение многих лет нападали на британские торговые суда. Рассматривая этот эпизод, автор задается вопросом, «заинтересовались ли британцы регионом Персидского залива в этот момент, или поворот к военному интервенционизму стал кульминацией более масштабных процессов?» (С. 46). В первую очередь автором исследуются дискуссии о пиратстве в Персидском заливе и замешанность британцев в этом вопросе, кульминацией которого и стал рейд на Рас-эль-Хайму. Помимо этого Крузе анализирует, какую роль усилия, предпринимаемые Наполеоном в Персии, сыграли в формировании представления британцев о французской угрозе их владениям в Индии. В ходе исследования историк приходит к выводу, что французская угроза в отношении Индии «была столь же воображаемой, сколь и реальной», однако именно она побудила британцев закрепиться в Персидском заливе. Опасения по поводу Франции стали катализатором более масштабного процесса, в рамках которого Ост-Индская компания все больше стремилась укрепить свой авторитет в регионе Персидского залива, который продолжился даже после того, как представление о французской угрозе исчезло. Таким образом, подводит итог автор, на фоне этих более обширных исторических тенденций представляется, что пиратская угроза была лишь предлогом для британской экспедиции в Рас-эль-Хайм в 1809 г.

Исследователь Иэн Коллер рассматривает трансформацию понятия «мамлюк» во французской политической культуре. Он начинает свою статью с упоминания эпизода убийств мамлюков роялистами в Марселе в 1815 г. Автор отмечает, что это насилие было отнюдь не спонтанной реакцией, вызванной вспыльчивым характером марсельцев, в его основе лежала согласованная акция этнической чистки. Корни же ее, по утверждению Коллера, лежали в расовой и религиозной политике наполеоновской империи. Кроме того, именно после этого события ускорилось превраще-

ние понятия «мамлюк» в политический символ. По словам историка, мусульманские общества в раннее Новое время во Франции рассматривались как неверные и еретические, в эпоху Просвещения как деспотические, в эпоху же Революции мусульмане все чаще воспринимались как потенциальные граждане. Однако со временем все поменялось. Из части мамлюков, последовавшей после Египетской экспедиции за Наполеоном во Францию, в дальнейшем был сформирован легион «арабской кавалерии» при Бонапарте, что представлялось экзотикой для французов. Но со временем мамлюки стали восприниматься не просто «экзотическим атрибутом» при императоре, а «исламизирующей угрозой» (С. 73). К середине XIX в. под «мамлюками» подразумевали уже представителей авторитарного течения во французской политике, а во времена Третьей республики так клеймили сторонников возвращения к бонапартистскому правлению, подчеркивая их «чуждость» и «отсталость», исходя из немыслимости политического участия мусульман во французской политической жизни. Таким образом понятие «мамлюк» на долгое время стало одной из устойчивых политических метафор (С. 83).

Алекс Типей анализирует взгляды Адамантиоса Кораиса, часто называемого «отцом греческого национализма» (С. 90), и его усилия по определению и продвижению греческой идентичности с точки зрения его интеграции во французские академические и политические круги. Будучи вовлеченным в политические проблемы Франции, Кораис в своих эссе живо реагировал на происходящие изменения. Между заключением Кампо-Формийского мира и началом войны Третьей коалиции творчество Кораиса, по словам автора, способствовало французской интервенции в османские земли. Но по мере того, как Бонапарт консолидировал власть в своих руках, Кораис умерил свой энтузиазм относительно прямого завоевания Францией и привел аргументы против официальной колонизации (С. 102). Типей приходит к выводу, что взгляды, изложенные Кораисом в эпоху Наполеона, пережили режим императора и обрели новую жизнь во время греческой войны за независимость (1821–1828 гг.).

В статье Элен Венсан оценивается вклад выпускников Специальных морских школ Франции в гидрографические исследования и их военное значение. Две Школы, в Бресте и Тулоне, открылись в 1810 г. и были призваны обучать молодых людей на

офицеров военно-морского флота. Первый выпуск пришелся на 1814/1815 гг., когда завершились Наполеоновские войны. По воспоминаниям одного из учеников Школы, они были юношами, «которые мечтали стать частью наполеоновской авантюры только для того, чтобы увидеть, как их мечты рушатся с падением империи» (С. 114). Пройдя подготовку к войне с Великобританией, младшие офицеры начали свою службу в мирное время, поэтому во время Реставрации военно-морской флот посвятил многие из своих миссий науке. Одним из главных их достояний стал вклад в гидрографические исследования. Выпускники Школ занимались корректировкой и составлением карт для навигации, одновременно с этим занимаясь разведкой. Как отмечает Венсан, гидрография была таким же политическим инструментом, как и хорошо продуманные вооруженные операции. Эти исследования внесли свою лепту в формирование той основы, на которой создавалась территориальная империя Франции во второй половине XIX в.

Джулия Делогу исследует малоизученный сюжет – роль экономического дискурса в «мифе и реальности Бонапарта и бонапартизма» (С. 127). В статье анализируются попытки Наполеона провести экономические реформы, потребность в которых обнаружила континентальная блокада и потеря Гаити. В основе этих экономических проектов лежала система свободных портов (т. е. портовых городов, избавленных от пошлин) в Средиземноморье и Атлантике. Делогу в работе переосмысливает политику контроля над морем, которую проводил Наполеон, в контексте исследования свободных портов и дает ее общий обзор. Автор приходит к выводу, что постоянное возрождение на протяжении XIX в. дискурса о свободных портах и свободной торговле показывает тесную связь между консолидацией славы Наполеона, ее превращением в транснациональный миф и созданием новых политико-экономических взглядов в постнаполеоновскую эпоху (С. 138-139).

Вторая часть сборника посвящена индивидуальным траекториям некоторых персоналий или социальных групп в контексте имперских преобразований. Каролин Дриенхайзен и Мартин ван дер Бург прослеживают колониальную карьеру двух бывших наполеоновских чиновников: Годерта ван дер Капеллена и Бернара Безье, и на этом основании исследуют взаимосвязь британского и наполеоновского колониального правления на Яве. Авторы отмечают, что традиционно к колониальной истории исследователи

подходили в основном с национальной точки зрения, хотя в действительности строительство империи было транснациональным процессом, который осуществлялся посредством перемещения людей и идей. Авторы приходят к выводу, что колония предоставила бывшим наполеоновским государственным служащим возможность построить новую карьеру, используя опыт, полученный в Европе. Именно этот опыт предоставил Безье возможность восстановить испорченную репутацию, а ван дер Капеллену – трамплин для его политической карьеры и повышение социального статуса. Они оба принесли с собой идеи и взгляды, приобретенные ими в другой «империи» (С. 161).

Историк Николая Тодоров исследует, как управленцы первой половины XIX в. служили императору и предшествовавшим им революционным правительствам на флоте, в армии или в администрации. Было показано, что администраторы, родившиеся французами и служившие в наполеоновской Европе, то есть на территориях, непосредственно аннексированных Францией и государствами-сателлитами, несли на себе «общую печать» и составляли некое сообщество строителей империй. Те из них, кто служил во французских колониях, продолжали там свою работу даже после военного поражения Бонапарта в Европе. Тодоров анализирует роль опыта, полученного администраторами в наполеоновский период, а также проблему инаковости, с которой они столкнулись как в Европе, так и за океаном. Автор исследует противоречия, с которыми сталкивались постнаполеоновские колониальные администраторы вплоть до середины XIX в. и изучает ситуации в колониях, сходные с теми, с которыми сталкивалась наполеоновская Европа. Акцент при этом делается на сравнении поведения этих администраторов в Европе и в колониях.

Статья Жан-Юго Иля «Из Новых департаментов в Новый Свет: колониальный маршрут имперского агента» представляет собой микроисторическое исследование, в котором автор рассматривает биографию Жан-Жозефа Мари Шмит-Торнфельда – бывшего генерального секретаря префектуры Буш-де-л'Эльб, имперского агента, ставшего колонистом во времена империи, который приобрел земли в Соединенных Штатах Америки. Сын капитана каперского судна, родившийся в Дюнкерке и получивший образование в Генте, он был воспитан в духе Просвещения, поэтому колониальная идея Шмита, по словам автора, сформировалась еще

в юношестве, в годы обучения. Кроме того, и Дюнкерк, и Гент в то время были перекрестками культур, где концентрировалось великое множество иностранцев. Эта социальная и географическая ситуация была основополагающим фактором, определившим его дальнейшую жизнь и колонизацию в индивидуальном масштабе.

Сара Капуто в своей статье поднимает вопрос о комплектовании британского военно-морского флота в XIX в. Она развенчивает устойчивый миф о том, что флот должен был быть любой ценой укомплектован исключительно британскими моряками. Капуто утверждает, что во время Семилетней войны, Войны за независимость североамериканских колоний, французских революционных и наполеоновской войн британский флот активно привлекал к службе иностранцев, поскольку «прагматизм и давление военного времени перевесили опасения по поводу национальной принадлежности, идентичности и статуса подданных новобранцев» (С. 206). Проанализировав списки экипажей некоторых британских кораблей и книги учета непрерывной службы, автор прослеживает четкую нисходящую траекторию от Французских войн до второй трети XIX столетия, когда моряки Королевского флота иностранного происхождения становятся все более редкими, а их число сокращается до незначительного. Тем не менее, Капуто делает вывод, что расхожее представление о том, что военно-морской флот не нанимал иностранцев в XIX в. оказалось сомнительным.

Жан-Мари Лафон рассматривает биографии четверых офицеров, которые оказались на службе в сикхском королевстве Пенджаб. Преследования, последовавшие за Реставрацией 1815 г., вынудили ряд бывших офицеров Империи добровольно покинуть Францию. В статье автор рассматривает некоторых из тех офицеров, которые с 1816 г. служили в Персии, а затем переехали в Индию, в сикхское королевство Пенджаб. Все они обучались в одной и той же военной системе и каждый в большей или меньшей степени был проникнут политическими и социальными идеями, вытекающими из основных принципов Революции и Империи, которые они принесли с собой в Пенджаб. Когда же Пенджаб был присоединен к территориям Ост-Индской компании, британцы приступили к систематическому искоренению любых воспоминаний о французском присутствии.

Иван Бюрель свою публикацию посвятил генералу Пьеру Буайе, воевавшему на европейском, американском и африканском континентах и снискавшему репутацию жестокого и неуравнове-

шенного командира. Особенное внимание автор уделит периоду, когда Буайе служил инструктором в армии египетского паши Мухаммеда Али. Буайе был направлен в Египет в качестве неофициального агента монархии, а его задачей было, выдавая себя за «бескорыстного военного чиновника», влиять при этом на пашу своими советами, тем самым усиливая влияние Франции в стране. В статье анализируется модель, которую взял за основу Буайе, оказывая помощь паше в подавлении восстаний. Эта модель была основана на опыте «адских колонн» генерала Тюрро, поскольку Буайе был убежден что Востоком можно управлять только путем произвола и террора (С. 260).

В третьей части сборника исследуются французские внешне-политические начинания в Алжире и Египте в постнаполеоновскую эпоху. Орельен Линерё в своей статье, проливая свет на генеалогию завоевания Алжира, предпринимает попытку деконструировать возникшее франко-алжирское противостояние. Она задается вопросом, может ли завоевание Алжира считаться последним наполеоновским завоеванием. Автор рассматривает наполеоновский план против Алжира, чтобы увидеть его в общем контексте средиземноморской политики и возможной матрицы нового культурного империализма. Линерё приходит к выводу, что при Наполеоне интервенция хотя и не состоялась, но была достаточно хорошо спланирована, чтобы обеспечить плацдарм для дальнейшего завоевания Алжира.

В статье Вальтера Брюйер-Остеля исследуется Иностраннный легион, принимавший участие в завоевании Францией Алжира. Он был создан королевским указом от 10 марта 1831 г. и должен был использоваться только за пределами континентальной территории королевства. Легион собрал иностранцев со всей Европы. Часть из них – политические беженцы, приехавшие во Францию после установления Июльской монархии. Подвергаясь преследованиям на родине за свои национальные, либеральные или республиканские идеи, они приехали во Францию с памятью о ее революционном и имперском периоде. В статье автор отводит особую роль завоеванию Алжира как катализатору мобилизации иностранцев, присоединившихся к французской армии. По словам Брюйер-Остеля, создание Иностранного легиона решало сразу две задачи: с одной стороны была частично удовлетворена потребность в обученных военных, необходимых для обеспечения

французского господства в Алжире, с другой – в Африку были направлены потенциальные агенты политической дестабилизации во Франции и Европе.

Заключительная публикация сборника посвящена французскому правовому господству в XIX в. Ее автор Дэвид Тодд утверждает, что большинство государств в Европе эпохи Реставрации либо сохранили наполеоновские кодексы, либо издали новые, которые были вдохновлены французским гражданским правом. Престиж французского права и правовых институтов способствовал французской мягкой силе в Европе и иногда давал экономические или политические преимущества. Когда в середине века по всему миру прокатились территориальные правовые реформы, французские кодексы продолжали служить основным ориентиром, особенно в Латинской Америке и мусульманском мире. Гражданский кодекс в течение почти сотни лет служил мощным инструментом для проведения территориальных реформ и включения новых сфер в глобальный правовой порядок, в котором доминирует Запад, причем сфера его влияния не ограничивалась европейским континентом. Османские и египетские государственные деятели также использовали его в качестве модели для укрепления своих собственных политических систем.

REFERENCES

From the Napoleonic Empire to the Age of Empire: Empire after the Emperor (War, Culture and Society, 1750–1850) Kindle Edition // by Thomas Dodman, Aurélien Lignereux. L., 2023.

Зайцева Дарья Владимировна

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Институт всеобщей истории РАН
119334 Москва, Ленинский пр-т, 32а
старший преподаватель
Государственный академический
университет гуманитарных наук
119049, Москва,
Мароновский переулок, 26
e-mail: divdaria@gmail.com

Daria Zaytseva

PhD (History), Senior Lecturer
Senior Researcher
Institute of World History the Russian
Academy of Sciences
32a, Leninski Ave.,
119334 Moscow, Russia
State Academic University
for the Humanities
26 Maronovskiy pereulok
119049, Moscow, Russia
e-mail: divdaria@gmail.com
Researcher ID : K-6441-2017
ORCID : 0000-0002-5546-7404